

фантастическая
история

Книги Михаила Королюка
в серии «Фантастическая История»

СПАСТИ СССР. ИНФИЛЬТРАЦИЯ
СПАСТИ СССР. АДАПТАЦИЯ

МОСКВА, 2016

фантастическая
история

Михаил Королюк
Снасти СССР.
Агентация

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К68

Серия основана в 2010 году
Выпуск 113

Королюк М. А.

К68 Спаси СССР. Адаптация: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 345 с.: ил. — (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-2212-8

Андрей Соколов «попал», пусть и по собственному желанию.

Он сделал первые ходы, и теперь его ищет и КГБ и ЦРУ (он слишком, слишком много знает...), а еще Комитет партийного контроля и лично «дорогой Леонид Ильич». Андрей хочет спасти СССР. А еще он хочет просто жить — на свободе, жизнью обычного советского подростка.

Удастся ли ему совместить несовместимое? Удастся ли изменить Историю по-крупному? Он смог прижиться. Теперь пришло время действовать.

Андрей Соколов на переломе времен... переломе, который он совершает сам.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Королюк М. А., 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2212-8

ПРОЛОГ

Лето выгибалось золотистой дугой: поначалу невероятно длинное, достигнув же середины, вдруг принялось укорачиваться все быстрее и быстрее.

Запертый в глуши, на хуторе дальнего рижского взморья, где не было не только телевизора, но и газет, я просто жил. Начинал утро с парного молока и ломтей ржаного хлеба, присыпанных крупной солью, а потом шел бродить по знакомым лесным тропинкам. Там из утоптанной земли, расталкивая порывшевую хвою к краям, узловатыми венами проступали сплетения корней. Покачивались на полянах лиловые метелки приземистого вереска, сквозь строй коренастых сосен долетал убаюкивающий шум волн — и все, больше ни звука. Песчаная полоса берега была чиста от людей до горизонта в обе стороны, лишь дважды в день мимо неторопливо проходил пограничный наряд, но ветер быстро затирал его следы.

Жарким днем, закончив мучить себя упражнениями, я падал спиной на разогретый песок между невысокими дюнами, разметывался витрувианским человеком и мечтал, глядя вверх. Оттуда, сквозь легкомысленную синеву и башни облаков, на меня выжидающе поглядывала Вечность.

Под этим взглядом как-то очень постепенно, но неотвратно пожилой циник истаял, растворившись в теле подростка. На память о себе он оставил муть послезнания да горечь катастрофы.

Изменилось все. Мысли перестали кружить по поверхности, запинаясь друг о дружку; возникающие идеи теперь легко подхватывали меня и стремглав уносили вдаль. Мир стал восприниматься выпукло и ярко. Любая мелочь могла вскружить

голову неожиданным восторгом: будь то запах подвялившегося на солнце покоса, беззастенчивый стрекот кузнечика или разбег прожилок на слюдяных крыльях стрекозы — все, все вокруг постоянно открывалось мне новой, волнующей кровью стороной.

Вернулась и порывистость движений. Сучковатое дерево вдруг стало вызовом, преодолеть который можно, только взметнувшись вверх до самой последней, опасно раскачивающейся развилки. Я вцеплялся в нее перемазанными душистой смолой ладонями и, запаленно дыша, победным взором окидывал открывающуюся ширь.

А еще до потемнения в глазах хотелось быть рядом с Томой, и я постоянно придумывал нашу случайную встречу. Конечно, я наизусть, до дня, знал ее планы: сначала к бабушке под Винницу, на парное молоко и черешню, прыгать с Чертова моста в Южный Буг и пугаться бодливых коров, а потом на два месяца с родителями под Феодосию, к вареной кукурузе и свежему бризу.

«Но ведь это только планы! Они же могут и измениться... А коли так, — грезил я, — то нельзя исключать и того, что они поедут не в Крым, а куда-нибудь еще. Что Крым да Крым! Они там уже сто раз были... В Прибалтике летом чудо как хорошо! И если вдруг они выберут Прибалтику, то в конце концов Томка знает, что я в Латвии. Поэтому нельзя исключить, — вводил я логичное допущение, — и того, что они могут как-нибудь проехать мимо меня на поезде или на автобусе».

Вот почему, оказавшись по какой-нибудь надобности у дороги или возле железнодорожных путей, я замирал, с надеждой вглядываясь в проплывающие мимо лица.

Ах эти расцветившие лето неумеренные мечты! Лишь иногда мне в голову тайком проскальзывала горькая мысль: «А ведь этого никогда не случится», и становилось очень не по себе.

Но вот теперь все это позади. Конец августа, и я еду убивать.

ГЛАВА 1

Понедельник 22 августа 1977 года, день

Полустанок Ерзовка, Валдайская возвышенность

— До школы! — выкрикнул снизу опечаленный Паштет.

Тепловоз в ответ энергично свистнул, а затем лязгнул сцепками и резко рванул, словно пытаясь выдернуть из-под меня старенький скрипучий вагон. Я покрепче вцепился в облупившийся поручень и высунулся наружу из пропахшего куревом тамбура. Поезд Малая Вишера — Бологое пошел в разгон, и воздух принялся перебирать отросшие за лето вихры. Я пожегся от щекотки и махнул последнее «прощай» уплывающей назад фигурке.

Железка потянулась вдоль местного озера, что носит звучное, отдающее дремучей архаикой имя Зван. Я с пробуждающимся азартом вгляделся в темные воды. Увы, в этот раз так ничего и не успел — ни в лес сходить, ни потягать на зорьке рыбешку с шаткого самодельного мостка. Лишь с завистью обозрел свежую Пашкину добычу — здоровую корзину, доверху заполненную бравыми подосиновиками, да неприлично быстро выхлебал горшок плотной ухи. Пашкин дед долго томил почти черных окуней и четвертинки брызжущего соком картофеля в бульоне, оставшемся от варки раков, а в самом конце, уже сняв огромную стальную кастрюлю с огня, всыпал туда крупно нарубленные стрелки чеснока. Перед таким просто невозможно устоять! Да я и не пытался.

Ничего, в следующий раз обязательно все сделаю сам: и порыбачу, и в лес схожу. А сейчас — труба зовет.

Пашка, конечно, был не на шутку раздосадован. Он-то раскатал губу, что Дюха приехал на всю последнюю неделю, и начал оживленно расписывать ожидающие нас радости, как

только я спрыгнул с высокой подножки. Здесь было все, вплоть до баньки по-черному и удививших меня своей раскрепощенностью планов на местных девчонок, однако я его жестоко обломал.

Паштет был заинтригован не на шутку и вился вокруг меня назойливой мухой, но я лишь мычал невнятно: «Надо, очень надо». В итоге он заподозрил меня в страданиях по случившейся летом любви. Я не стал его разубеждать, лишь договорился об алиби для родителей.

Вагон качнуло сильнее. Я захлопнул дверь и, подняв с пола свой багаж, пошел внутрь. Аккуратно уложил на полку дерматиновый чехол с разборным луком и стрелами — не дай бог повредится что-то, запасного плана у меня нет. Спортивную сумку, в которой под слоем сменной одежды и пакета с едой скрывались пистолет и эсэсовский кинжал, поставил на сиденье рядом с собой, перекинув на всякий случай через плечо ремень.

Достал яблоко и вдумчиво захрустел. До Москвы с пересадками трястись до самого вечера, планы обеих операций выверены сто раз, остается только качать мозг. Поэтому открыл ближе к середине «Введение в теорию множеств и общую топологию» и попытался самостоятельно вникнуть в очередную метризованную теорему. Увы, как всегда, безнадежно, лишь голова налилась тяжестью в затылке.

Кто, ну кто все эти люди, способные понять фразы: «Спектром коммутативного кольца называется множество всех простых идеалов этого кольца. Обычно спектр снабжается топологией Зарисского и пучком коммутативных колец, что делает его локально окольцованным пространством»?! И ведь это — еще только учебник для студентов...

Обреченно зажмурился, готовясь, и подтянул понимание. Сначала в висках привычно включилось басовито нарастающее гудение, какое бывает у закипающей воды, а затем неторопливо вкрутило по мерзкому шурупчику. Переждал с минуту, бездумно глядя в окно, пока острота боли не сменилась неприятной, но терпимой ноющей нотой, и вновь вчитался в текст.

Так... «В нормальном пространстве всякие два дизъюнктные замкнутые множества функционально отделимы».

Ну, для евклидова пространства это понятно даже на интуитивном уровне... Действительно, для любых двух замкнутых непересекающихся множеств существует поверхность, разделяющая пространство на две непересекающиеся части так, что каждое множество целиком принадлежит одной из этих частей. А вот в функциональных пространствах, банаховом или Гилберта, гарантировать отделимость произвольных множеств нельзя, надо разбираться в каждом частном случае...

Хватило меня минут на двадцать пять, за которые я успел понять доказательство леммы Урысона и восхититься изяществом ее логики, а затем пришла неизбежная расплата. Сначала заныло в висках, потом как будто плеснули с размаха кипятком под теменную кость, и из левой ноздри закапала кровь.

— Да чтоб тебя... — пробормотал я огорченно, успев однако подставить предусмотрительно вынутый из кармана носовой платок.

Опыт — великое дело. За лето я приноровился и теперь обычно останавливаюсь до наступления расплаты, но уж больно красивые перспективы приоткрылись мне с этой индуктивной размерностью... Не удержался — теперь опять хлюпай носом.

Я запрокинул голову, старательно не встречаясь взглядом с обеспокоенной старушкой напротив:

— Все в порядке. У меня так иногда бывает, сейчас пройдет.

Бывает, да, бывает...

Барьер оказался неожиданно высок. Уровни абстракций, на которые выходят даже студенты матмеха, даются тяжело. Хорошо, что я предусмотрительно начал подтягивать чужие понимания постепенно, начиная с крепких старшекурсников. И даже это оказалось далеко не просто. А попробуй я накинуть на себя кальку с какого-нибудь современного математического гения, то, возможно, уже пускал бы слюни в специализированном заведении. И вдвойне хорошо, что прокачка моих способностей все-таки идет!

Понемногу, но идет. Кое-какие направления за первые два курса я уже способен осознавать самостоятельно, даже без

брейнсерфинга. И на сложные темы меня теперь хватает дольше...

Я отнял платок от носа, проверяя. Течь перестало, но где-то в глубине ноздри на вдохе мягко колыхался чуть схватившийся кровавой сгусток, грозя новым прорывом. Пошарил в нагрудном кармане, ища заначенный клочок ваты, и ликвидировал опасность.

Если бы раскачка моей способности к математике не шла, пришлось бы искать какой-то другой план. Ну как план... Это, собственно, и не план, а так — направление. Закладка фундамента под будущее. В любом случае пригодится.

Действуя только из-за кулис, страну от сваливания в штопор не спасти. Послезнание истории скоро закончится — еще года три, и неизбежно пойдут заметные отклонения. Конечно, у меня и тогда останется немало козырей: научно-техническая информация, понимание социальных трендов и самое главное — люди, те, которые в тот раз не скурвились. Но этого может и не хватить. Придется как-то выходить на политическую сцену самому, и маска математического гения может сработать как первая ступень ракеты, вытолкнуть меня на старте повыше. Если смогу сыграть эту роль. Если мозги позволят...

Вагон качнуло на легком повороте, колеса застучали на стрелках, колеи стали ветвиться — Бологое. Я убрал платок в карман, книгу в сумку и потянулся на полку за чехлом.

Осторожно, главное — осторожно! Сегодня я должен кинуть под колесо Истории первый по-настоящему увесистый булыжник. Главное, чтобы рука не дрогнула.

Вечер того же дня

Москва, Ленинградский вокзал

В Москве, несмотря на вечер, было как в бане: жара за тридцать и парило после недавнего ливня. На вокзале — людно и суетно, под крышей — неумолчный шум. Конец августа.

Я пробирался, узнавая и не узнавая одновременно. На удивление ровный и чистый асфальт. Нет ни бомжей, ни милиции. Никто не катит чемоданы на колесиках. Размякшие вафельные стаканчики в руках девчонок. Короткие цветастые платья до середины стройных бедер...

На выходе из здания, на Комсомольской площади, выстроившись в три ряда, терпеливо ждали седоков светло-оливковые «Волги» с шашечками на боку; вдоль Казанского неторопливо дребезжал желто-красный трамвайчик. Справа, за мостом, было просторно — там еще не встали корпуса международных банков. И, конечно, нет проспекта Сахарова.

«Если я буду успешен, то и не будет», — попытался я утешить себя.

На душе было мерзко, и ноги не шли. На бумаге задуманный размен выглядел прилично: один, мною убитый, к тысячам спасенных. Да, прилично — пока я не начинал об этом задумываться. И дело вовсе не в абстрактном человеколюбии — моими жертвами станут те, о ком с полным основанием можно повторить: «Гвозди бы делать из этих людей». Наши люди. Свои.

И от того хотелось выть.

Ну что ж... Я знал, что будет непросто, и готовился к этому.

Вдохнул, выдохнул и поднял первый щит — вот шевелится, скрипя обломками зубов, подвешенный под проклятым афганским небом «красный тюльпан». Раз.

Кол, и плачет кровью из пустых глазниц плененный шурави. Два.

«Меня ведь вылечат»? — с надеждой спрашивает у врача нецелованный мальчишка-спинальник. Три.

Поседевшие матери. Поток героина. Еще?

Лагерь Бадабер. Ущелье Хазар. Кишлак Хара.

Хватит?!

Помотал головой, развеивая вставшую перед глазами красноватую муть. Хватит...

Решительно подхватил сумки, распрямил плечи и, чуть ли не чеканя шаг, пошел к эскалатору. Готов. Да чтобы это не случилось... Да я...

Я. Готов. Убивать.

Вечер того же дня

Москва, Дурасовский переулок

Лист быстро заполнялся ломаным насталиком. На классическую арабскую каллиграфию нет времени, да и не место. Во-

круг — глухой московский дворик, куда почти не выходит окон. Никто не задаст глупых вопросов: «Мальчик, а почему ты пишешь в перчатках? И справа налево?»

Заранее продуманный текст сплетается в причудливую вязь, в которой знающий фарси да прочтет:

«Его Превосходительству господину Нематолле Нассири, лично в руки.

Ваше Превосходительство, доводим до Вашего сведения информацию о том, что в рядах фракции «Хальк» Народно-демократической партии Афганистана небольшой группой заговорщиков в течение последнего года был составлен реалистичный план военного свержения правительства Мухаммеда Дауда Хана.

Учитывая устраивающий нас уровень отношений с правительством Афганистана, неподконтрольность нам группы заговорщиков, нашу незаинтересованность в возникновении неурядиц на территории Афганистана, сообщаем:

1. Ядро заговора формируется вокруг Хафизуллы Амина и Нура Тараки. Среди активных участников заговора следующие военнослужащие: Мохаммад Ватанджар, Саид Гулябзой, Асадулла Сарвари, Ширджан Маздурьяр, Абдул Дагарваль (формально не входящий в НДПА)...»

Так. Список участников... Распределение ролей... Привлекаемые силы и средства, организация связи... Очередность взятия объектов под контроль... Готово.

Покусал авторучку, еще раз взвешивая каждое задуманное слово, а потом продолжил:

«Ваше Превосходительство, мы направляем Вам эту информацию по неофициальному каналу потому, что, с одной стороны, абсолютно убеждены в нежелательности военного переворота в Афганистане для интересов СССР, а с другой стороны, не уверены, что эта позиция станет официальной в случае обсуждения данных сведений в руководстве КПСС.

С надеждой на Ваше понимание создавшейся ситуации группа офицеров Первого главного управления КГБ СССР».

Снял скрепку и устроил аутодафе скомканным копиркам, а затем старательно растер пепел. А теперь тонкая, но неоднократно отработанная ранее операция: надо аккуратно и очень

плотно обернуть лист вокруг древка и закрепить концы узкими колечками лейкопластыря. Да, обернутый вокруг стрелы лист бумаги на дистанции пятьдесят метров увеличивает снос от центра мишени примерно на дециметр — проверено. Но с двадцати пяти-то метров в окно я с трех попыток должен хоть раз попасть? Зря, что ли, все лето тренировался, осваивая навык лучника?

Невольно перейдя на крадущуюся походку, поднялся по полутемной лестнице. Конечно, этот домик в глубине двора по Покровскому бульвару, на задах обнесенного высоким забором иранского посольства, тоже пасут, понятное дело. Возможно, пункт стационарного наблюдения есть даже в этом самом здании и за вот этой стеной прямо сейчас бдит наш контрразведчик. На площадке между вторым и третьим этажами я поставил сумки на пол и изучил открывающийся из окна вид. Вполне. Прямо напротив — двухэтажный особнячок, фасад его покрыт узорами на восточный мотив. Третье слева окно на втором этаже приветственно зияет открытой форточкой. То, что надо! Я даже смог разглядеть в кабинете саваковца фрагмент знакомой по его воспоминаниям обстановки.

Тихо. Из бачка для бытовых отходов пованивало селедкой.

Я приоткрыл окно, впустив свежий воздух, и опустился собирать лук. Разборный «Олимпик» был беззастенчиво стырен мной одной светлой июньской ночью из института Лесгафта. Особых переживаний я по этому поводу не испытывал, их там лежало больше десятка... Да и не баловаться взял...

Быстрыми отработанными движениями установил рогатый стабилизатор на рукоять, закрепил болтами плечи. Закрутил тетиву и зацепил за ушко к нижнему плечу. Теперь самое тяжелое, лук-то взрослый... Уперся, надавил левой ногой на рукоять и, кряхтя от напряжения, потянул лук на сгибание. Уф... Второе ушко тетивы встало в верхнее плечо. Готово.

Задышала глубже, стараясь привести себя в норму. Техник стрельбы я овладел, а вот самоконтролем... Это ж совсем другое дело, а именно в контроле сейчас ключ к успеху. Попытался усилием воли смахнуть лишние мысли, но не тут-то было, меня по-прежнему чуть потряхивало.

От страха? От возбуждения? Сразу и не понять.

Надел напальчник и прикрыл глаза, вслушиваясь в окружающий мир. Отключить все мысли. Охватить разом все долетающие звуки. Вдох — выдох... Вдо-о-ох — вы-ы-ыдох...

Где-то вдали по бульвару покатил от остановки трамвайчик. Порыв ветра колыхнул ветви старых тополей. Отразилась от стен предупреждающая трель велосипедиста. В проулке колокольчиком разлился детский смех. Кто-то выше громыхнул на кухне кастрюлей. Вдох — выдох...

Теперь все внимание на руки. Погладил друг о друга пальцы, пытаюсь разобраться в тончайших оттенках тактильных ощущений. Большим пальцем по указательному... По среднему... По безымянному... По мизинцу от самой верхней фаланги медленно вниз, до самой подушечки... Слегка щекотно... Вдох — выдох...

Левой ладонью свободным хватом взялся за рукоятку, правой положил стрелу на полку, хвостовик на тетиву. Снова закрыл глаза, вдох — выдох...

Запел пальцами тетиву и чуть-чуть натянул, только чтобы почувствовать упругость лука. Вдо-о-ох — ощущаю, как входит воздух, как становится легко внутри. Вы-ы-ыдох — выдуваю из груди все эмоции, становится еще легче. Представляю, как выдохнутое облачко беспокойства развеивается, сносится сквознячком, бесследно растворяется в кристально прозрачном после дождя воздухе, и на лице появляется след умиротворенной улыбки.

Открываю глаза и расслабленно поднимаю лук в сторону чернеющего напротив и чуть ниже меня провала форточки. Все мысли затихли, эмоции выдохнуты... Подправил левый локоть, плавно-спокойно натянул лук, задержал дыхание на полувдохе, проконтролировал растяжку по кончику стрелы... Чуть отодвинул ладонью рукоятку, тетива прижалась к подбородку... Прицел. Выпуск.

Лук начал заваливаться вперед на вытянутой руке, но успеваю заметить, как стрела легкой тенью скользнула прямо по центру форточки и задрожала, воткнувшись в спинку кресла.

Я широко, победно улыбнулся. Есть! С первой стрелы! Да я Робин Гуд!!!

*Вторник 23 августа 1977 года, вечер
Москва, Павелецкий вокзал*

В прокуренную каморку, на двери которой висело «Помощник коменданта», я зашел уверенно — в сумке у меня лежала бутылка нездешних форм. Великая редкость кьянти «Руффино» этим маем каким-то чудом добралось до прилавка гастронома «Стрела» и зависло там, не вызывая никакого интереса у постоянных покупателей. Увидев его, я ошеломленно поморгал и метнулся за деньгами, а вернувшись, упросил одного из стоящих в очереди бухариков взять на меня сразу три. Очередь весело погоготала, комментируя заявку от комсомола, продавщица деликатно оглохла, и вот теперь я готов коррум-пировать.

Офицер затравленно взглянул на очередного просителя, и я его прекрасно понимал: за те полтора часа, что мне пришлось простоять в очереди в душном коридоре, кто только сюда не заходил: и распаленный полковник-гипертоник, чей мощный рык был прекрасно слышен сквозь закрытую дверь, и мамыши с орущими младенцами, и табуны молодых лейтенантов. И всем от помощника коменданта нужны были билеты. Срочно! В конце августа! Из Москвы!

Я поставил оплетенную соломой пузатую бутылку на край стола, этикеткой от себя, и изобразил смущенную улыбку:

— Товарищ капитан, очень-очень надо. От команды отстал, мне тренер голову свернет, если я на позицию не выйду... — Я тряхнул чехлом с луком. — Пожалуйста, помогите, я от ЦСКА выступаю...

— Какая правильная молодежь у нас растет! — воскликнул оживший на глазах капитан и ловким отработанным движением засунул презент в тумбу. Посмотрел на меня с веселой приязнью: — Куда и сколько?

— Да один, любой, на ставропольский, на сегодня. — Я на радости поддернул сумку и чертыхнулся про себя, услышав, как глухо стукнулся пистолет о рукоять кинжала.

— Садись, — кивнул помощник коменданта в сторону стула и взялся за телефонную трубку: — Ритуля-красуля, посмотри мне из брони один на сегодня на семьдесят седьмой...

Ожидая ответа, он механически постукивал кончиком карандаша по столу. Я же, расслабившись, наблюдал, как, извиваясь, поднимается к давно не беленному потолку струйка дыма от положенной на край пепельницы сигареты.

Все вроде в порядке. В САВАК послание закинул, афганскому послу — тоже, прямо на кухню. По идее, должно хватить. До верхов точно дойдет, иранец — один из многочисленных племянников Нассири, главы САВАКА, иранской разведки; посол Афганистана в Москве — шурин Дауда Хана, президента. А как обрабатывать такую информацию, и там и там знают хорошо.

Афганский лидер последние четыре года сидит словно на вулкане: мятежи и попытки переворотов идут косяком, причем все со стороны проамериканских и клерикальных группировок. Не любят они «красного принца» за тесные связи с СССР, непокорность и реформы. А теперь еще и леваки зашевелились. Чем это все само по себе закончится, мне известно. Вот пусть заинтересованные стороны, сам сардар Дауд и шах Ирана, уже инвестировавший в соседа почти миллиард долларов, и стабилизируют ситуацию. Сохранение там статус-кво на ближайшие годы — это лучшее, что можно представить для Союза. Шурави сейчас на улицах Афганистана — подчеркнуто уважаемый человек, в доме — по-настоящему желанный гость. Там даже межклановые стычки приостанавливают, когда экспедиции советских геологов надо проехать по дороге, где идет стрельба! Вот пусть так все и остается.

Тут воображение опять сыграло со мной дурную шутку, причудливо исказив запах сигаретного дымка. Я стремительно позеленел и громко сглотнул.

— Ты чего, паря? — встревожился капитан, оторвав трубку от уха.

— Траванулся... — пробормотал я, прислушиваясь к взбунтовавшемуся нутру.

— Да? — Хозяин кабинета ехидно заулыбался. — Очень на птичью болезнь похоже.

— Это на какую? — напрягся я.

На память приходило только: «Доктор сказал, что у меня какая-то болезнь, то ли два пера, то ли три пера».

— Перепел, — коротко бросил помощник коменданта, все так же насмешливо скалясь.

— А... Нет, не пил...

— На воды, — набулькал он из мутноватого графина.

Я быстро влил в себя стакан затхлой тепловатой водицы, и меня чуть отпустило.

Зря, зря я так глубоко залез в память саваковца — теперь в запахе любого дымка стало чудиться паленое человеческое мясо. Гадость какая, эти его любимые воспоминания, брр... Перед глазами опять промелькнула картинка с извивающимся на раскаленном железном столе женским телом, в ушах раздался вой, в котором не осталось ничего человеческого...

Я вскочил и стремительно рванул в дверь.

Минут через десять вернулся, расслабленный и бледный, и молча прислонился к косяку. Капитан взглянул с сочувствием и протянул записку:

— На, болезный, иди в воинскую кассу без очереди, я позвонил. Одно верхнее в купе пойдет?

— Спасибо громадное, — обрадовался я.

— Еще воды?

Я помотал головой:

— Нет, вроде отошло. Спасибо, товарищ капитан, выручили!

Я с облегчением поспешил к кассе. Отлично, успеваю, до отправления ставропольского поезда еще три часа.

Мысли о предстоящей операции немного отвлекали от того шершавого кома, что саднил в груди.

Уж здесь-то я кругом прав, однозначно. Пусть он еще не начал, но ждать-то зачем? И передоверить это письмам не могу, ненадежно. Я просто нанесу удар превентивного возмездия. Использую высшую меру социальной защиты. Имею право. Да и обязан.

Четверг 25 августа 1977 года, день

Новошахтинск

Городок встретил меня рядами пыльных пирамидальных тополей, стендом с газетой «Знамя шахтера» и оригинальным памятником «глыба антрацита». Черный кусок породы размером с ковш экскаватора металлически поблескивал с поста-

мента неровными сколами. Я обошел по кругу, с интересом потрогал. На пальцах остался темный след. Вытер о линялое трико и огляделся.

Ну вот я и тут. И где мне прикажете его искать? Нет, примерно-то предполагаю, провел изыскания... Дом, училище, гараж, на лавочке у пруда — но тут как повезет. Придется порыскать.

Наклонился, затянул потуже шнурки на темно-синих стоптанных кедах и отправился осматривать места.

Мой энергичный поначалу ход скоро замедлился, перейдя в неторопливую прогулку. Чем глубже я забредал в немощенные переулочки со смешными названиями, чем дольше емко вдыхал долетающие из садов запахи, тем явственней меня отпускало. Постепенно, исподволь, этот городок вымыл из меня напряжение последних дней — так морская вода чистит погруженную в нее рану. И вот я уже не ношусь, а расслабленно бреду, улыбаясь встречающимся забавностям вроде стыка Зеленого переулка и Красного проспекта, крепких сортирных будочек во дворах многоквартирных домов, гневливо раздувающимся на посвистывание индюку.

— Пройдусь по Абрикосовой, сверну на Виноградную, — промурлыкал я. — Настоящему индейцу завсегда везде ништяк!

В теплом и сухом воздухе разливался тонкий аромат спелых яблок, и как-то сама собой пришла чуть кружащая голову истома. Прикупил кефир и свердловскую слойку, а затем привольно расположился прямо на траве под старой дуплистой грушей. Первой в ход пошла хрустящая, посыпанная сладкой крошкой корочка, а затем я принялся слой за слоем разматывать и отправлять в рот ажурный, слегка промасленный слоеный мякиш.

Эх, сейчас бы сверху чашечку капучино еще... Хорошо-то как... Еще найти бы побыстрее объект, иначе я тут зависну. И что тогда, ночевать под кустом?

Я пошталался по Новошахтинску еще с часок, заглядывая в запланированные для осмотра места. Нигде нет. Его жену с детьми на улице видел, а в квартирке на звонок никто не откликнулся. В училище не нашел. В спортгородке тоже нет. Гараж заперт. Где же он бродит?

Несмотря на неудачу поисков, на меня навалилось какое-то пофигистическое состояние.

«Наверное, откат после московских эскапад», — лениво подумалось мне.

Вроде должен волноваться, мандражировать, ан нет. Под деревьями в прозрачной тени воздух был подобен парному молоку, и я плыл в нем, как в море блаженства, периодически выныривая в пятна солнечного света.

Впрочем, все заканчивается.

— Эй, пацан! — с надрывом окликнул меня тонкий голосок. — Десять копеек дай!

Я вынырнул из нирваны и оглянулся. Позади метрах в трех стоял, задиристо скалясь, сопляк лет двенадцати. В скверике за ним сидела, внимательно наблюдая, напряженная троица примерно моего возраста.

«Понятно... Надо ломать им сценарий. Неохота ни махать-ся, ни бегать от них по городу. Заодно, может, что на косвенных прокачаю».

— Пойдем, — бросил я мелкому задире, на ходу пытаюсь определить в тройке лидера.

Справа сидел крупный лобастый парень. Рыхловат и трусоват. Да и глуповат, похоже. Нет, не он. Чуть улыбаюсь, увидев выглядывающие из-под эластика треников белые носки. По центру, увидев мою ухмылку, напрягся жилистый. Этот в драке может быть опасен — возможно, знает бокс. Ага! Жилистый вопросительно посмотрел на жгучего брюнета, что слева. Суду все ясно. Встречаюсь с цепким и умным взглядом. Нет, этому драться в лом, но ритуал... Чужой на районе...

— Привет, пацаны. — Я протянул руку старшаку. — Поможете?

Брюнет на мгновение замер, раздумывая, потом пожал руку. Приподнял бровь, как бы говоря: «Это еще ничего не значит», сплюнул шелуху и спросил с ленцой:

— Я тебя тут не видел. К кому приехал, с какого района?

Я непринужденно расположился на скамейке напротив, не торопясь разыскал в сумке кулек с карамелью «Мечта» и протянул:

— Угощайтесь. Не знаю я ваших районов...

Кулек подвергся разграблению, а жилистый, нагло глядя мне в лицо, взял сразу три. Я тоже хрустнул сладковато-кисленькой карамелью и сгенерировал версию:

— К Ваське приехал, закореванились летом на практике. Он на сварщика учится здесь.

— А-а-а, — протянул брюнет понимающе. — Это с тридцать девятого училища, значит. А с какой группы?

— А фиг его знает... — И я осторожно прозондировал: — Помню, что классного Антенной зовут, учитель русского.

Парни дружно заржали.

— Карманный бильярдист! Есть такой... У нас огороды рядом, на Красной горке. Каждый вечер там копается, придурок.

Это я удачно присел!

Как говорил Штирлиц, запоминается последнее, поэтому я еще с полчаса протрепался с парнями. Рассказал несколько анекдотов про Штирлица, потом сравнили «Роллинг Стоунз» и «Лед Зеппелин», поспорили, кто круче, Ричи Блэкмор, Дэвид Гилмор или Эрик Клэптон, посожалели о смерти Элвиса Пресли. Когда я собрался уходить, брюнет сказал:

— Если с Тельманки кто встретит, говори, что с Цыгой ходишь.

— Тельманка?

Парень неопределенно взмахнул рукой:

— Шахта тут имени Тельмана, видишь — вон террикон? Район вокруг — Тельманка. Вон там — кировцы. У кинотеатра «Волга», — еще один указующий жест, — волгари. В ту сторону — Южный. А там — Израиль.

— А тех-то так за что?

— Не знаю... — Брюнет ловко цыкнул между зубов. — До нас повелось.

К Красной горке, одному из старых терриконов за южной окраиной, я вышел через полчаса, когда в ложбинах уже повис плотный сумрак, а в недалеком пруду начали, захлебываясь, орать лягушки. И почти сразу впереди нарисовалось нужное мне тело с ведром картошки в одной руке и лопатой в другой.

Я крутанул головой, оглядываясь. Безлюдная дорожка длинной дугой пролегла промеж двух заросших холмов, по бокам — плотные ряды лозняка. Идеально.

Опустил руку в сумку и нащупал вспотевшей ладонью рукоять кинжала. Во рту пересохло, в глазах чуть зарябило.

«Так, только прямой хват, это будет не самооборона. Все должно решиться за пару ударов, — думал я, глядя сквозь уже близкую цель. — Сзади в печень, потом сразу в горло. Режик в пруд, переодеться — и на автобус в Ростов, на ночной поезд».

Я чуть посторонился, пропуская, и взглянул ему в лицо. Простое любопытство. Неужели действительно ничего такого в глазах не увижу?

Не увидел.

Мы разминулись на шаг, и я, резко крутанувшись, попытался насадить его на лезвие.

Он, как оказалось, действительно обладал животным чутьем и ловкостью обезьяны. Непостижимым образом уловив мой выпад, сумел изогнуться так, что клинок вошел в правый бок от силы сантиметра на три, а мой второй выпад вслед и во все пропал втуне.

И вот мы стоим, напрягшись, друг напротив друга, его губы крутит злая улыбка, а в глазах разгорается Зверь.

Я поменял стойку, выставив чуть вперед левую ногу, и сделал обманный выпад к его бедру. Он повелся, сначала заполошно отскочил, а затем перешел в бездумную атаку, пытаясь достать меня махом лопаты наискосок.

«Дурашка, да кто ж так делает, — поразился я. — Сколько сразу мертвых зон открылось».

Полшага вбок, быстрый наклон, и лопата свистит над головой. Стремительный рывок вперед и влево. Резко выбрасываю руку, и вот теперь кинжал легко, по самую гарду, вошел под правое ребро. Я на мгновение замер, глядя, как на его лицо наползает обиженная гримаса, затем с проворотом вытянул лезвие и, зайдя за спину застывшей в шоке фигуре, спокойно ударил под левую лопатку. Колени у него подогнулись, и он сложился, сползая с клинка.

Перед тем как свернуть за поворот, я оглянулся. Он лежал посреди рассыпавшейся картошки уже расслабленно и был обманчиво похож на человека.

«Вот и все, — выдохнул я. — Сделано».

Вытер рукавом распаренный лоб и глубоко, с облегчением выдохнул. Уравновесил? Не знаю... Но внутри стало чуть лучше.

Прежде чем сесть в автобус, окинул взглядом окрестности, запоминая место, куда я больше не вернусь. С востока крадучись пришла ночь, злодейски выпив дневные яркие краски, и оттого земля там уже слилась с небом темным кобальтом, и террикон, возвышающийся над городком днем, растворился в нем без следа. На западе же день окончательно укатил за горизонт, но напоследок выдохнул вверх тихую улыбку, и она мле-ла рубиновыми переливами в перьях облаков.

Пора. Я сделал глубокий вдох, пытаюсь уловить аромат садов, но вонючий пазик перебил все. Слегка разочарованный, я втиснулся в салон. Все, меня здесь больше ничто не держит, даже любопытство. И так знаю наперед, что будет. Да, завтра этот небольшой шахтерский городок зашумит, обсуждая дикое убийство. Зарыдает, прижимая к себе двух маленьких детей, безутешная вдова, и проклянет того, кто зверски зарезал отличного отца и мужа. Выступят над могилой опечаленные педагоги, скажет веское слово парторг... Через положенное число дней придут на кладбище соседи, помянут светлую память и занюхают черным хлебом. Потом в ноги встанет надгробие, и над увядшими цветами будет выбито:

Андрей Романович Чикатило

16.10.1936 — 25.08.1977

Но это будет потом. А сейчас мне пора возвращаться.

ГЛАВА 2

Вторник 30 августа 1977 года, вечер

Москва, район Ясенево

Андропов приехал «в лес» на закате, разминувшись на подъезде с колонной автобусов, что повезла сотрудников Первого главного управления по домам. Опустела и автомобильная стоянка, где посреди рабочего дня можно было увидеть самое, пожалуй, большое скопление личного автотранспорта в СССР.

Отличный новый комплекс с конференц-залами, библиотекой, спортивным центром, бассейном и собственной поликлиникой свалился на разведчиков неожиданным подарком в семьдесят втором, когда от него по причине удаленности от центра отказался международный отдел ЦК. Сейчас высоченное главное здание, напоминающее поставленную на попа раскрытую книгу, темнело окнами, лишь кое-где на этажах продолжалась работа.

ЗИЛ беспрепятственно проплыл сквозь два контрольно-пропускных пункта и затормозил у словно выдутого парусом в небо козырька главного входа. Юрий Владимирович вышел из салона и огляделся. Вдали, у декоративного пруда, из строя подсвеченных заходящим солнцем берез привычным темно-красным пятном выступал бюст Ленина. Правее, несмотря на вечернее время, неторопливо возились рабочие, готовя фундамент под монумент «Неизвестному разведчику».

Андропов задержал взгляд, перебирая в уме горькие потери. Сколько их было за эти десять лет, уже при нем, исчезнувших, замученных и просто убитых... Сухие строчки рапортов каждый раз всколыхивают память о венгерском мятеже, и по коже ползет озноб. Враг жесток. Порой — нечеловечески жесток.

Опять плывут перед глазами растерзанные тела коммунистов: повешенные, выброшенные из окон, заживо сожженные, с лицами, залитыми кислотой... Танька, наблюдавшая эти ужасы из окна посольства, поседела за день. Его веселая и задорная жена растворилась в том кошмаре, оставив после себя лишь тихую и пугливую тень, боящуюся выходить на улицу даже в Москве, и психиатры только руками разводят.

И все равно он ее любит!

Юрий Владимирович еще чуть постоял, оттаивая. Он ее отогреет, время еще есть...

В уме вдруг, словно ярко-красный поплавок из-под темной воды, сама собой вынырнула строфа:

И пусть смеются над поэтом,
И пусть завидуют вдвойне
За то, что я пишу сонеты
Своей, а не чужой жене.

Такое с ним случалось. Он любил и умел писать стихи, правда, только в стол. Не Пушкин, конечно, но уже и не графман.

Андропов повертел в уме пришедшие слова, примеряясь, и прибрал в память на дальнюю полочку, как бережливый хозяин откладывает найденный кусок железа в угол сарая, — вдруг да пригодится.

Сзади почти неслышно пристроился верный порученец, и председатель КГБ отмер. Вперед. На эту операцию у него большие, очень большие надежды. В юности, когда ходил на кораблике по Волге, он услышал от боцмана запомнившуюся фразу: «Жизнь, Юра, как мокрая палуба. И чтобы на ней не поскользнуться, передвигайся не спеша. И обязательно каждый раз выбирай место, куда поставить ногу!» Этим искусством надежного движения вверх Юрий Владимирович овладел в совершенстве, но сейчас, в случае успеха с «Сенатором», можно будет, наверное, и прыгнуть... Непривычный уровень риска бодрил, как раскушенная таблетка ментола.

На контрольно-пропускном пункте в здании Андропов дисциплинированно предъявил дежурному сержанту пропуск. Не стоит нарушать продуманный порядок. Здесь даже документы непростые: без фамилий, только фотография, номер пропуска и личный номер разведчика.

Зайдя в свой рабочий кабинет, Андропов расслабился. Ему нравилось работать «в лесу» — больше, чем на Лубянке, и гораздо больше, чем в Кремле. Как минимум два дня в неделю, обычно вторник и пятницу, он целиком выделял на внешнюю разведку и даже на партийный учет встал именно здесь, в Ясенево, в Первом главном.

Порученец донес портфель до стола и обернулся, ожидая распоряжений.

— Василь, чайку сделай, — кивнул ему Андропов. — И позвони Борису Семеновичу, пусть идут.

Буквально через пять минут на пороге нарисовались две фигуры.

— Что-то видок у вас, товарищи, подозрительно смурной. Чую, не радовать пришли, а ведь посольство-то вовремя полыхнуло. — Андропов встретил вошедших сдержанной улыб-

кой и энергично махнул рукой в сторону овального стола для неформальных бесед. — Садитесь туда. Сейчас чай готовится, и начнем.

Чернявый и верткий Георгий Минцев, впервые оказавшийся в этом кабинете, немедленно воспользовался разрешением и вольготно раскинулся в кресле, походя стянув пару сушек из стоящей на столе хрустальной вазы. Задорной наглости подполковнику было не занимать, и сколько бы жизнь ни была, веселая бесшабашность при общении с начальством оставалась его визитной карточкой. Если бы не Иванов, вовремя обнаруживший странную логику в головокружительных загулах мысли одного из своих многочисленных подчиненных, служил бы сейчас Жора где-нибудь в Горном Алтае. Но Борис Семенович разглядел под маской оболтуса родственную душу умного авантюриста и выдернул его к себе поближе, поместив в восьмой отдел Управления нелегальной разведки, под бок к Лазаренко. На благодатной ниве «прямых действий», как коротко обозначают в Конторе неблагозвучные «террор и диверсии, разведка иностранных подразделений спецназначения», талант Жоры к неординарным решениям расцвел буйным раскидистым чертополохом, время от времени нанося весьма болезненные уколы главному противнику в ходе той незримой мужской игры, что шла все эти годы по земному шару.

Иванов неодобрительно приподнял бровь, призывая Жору к серьезности хотя бы в кабинете председателя КГБ, и привычно зашел за плечо что-то быстро дописывающего в рабочую тетрадь Андропова.

— Давно было пора снести, — фыркнул, прочтя. — Устроили, понимаешь, место для паломничества. Тоже мне нашли великомученика — Николая Кровавого.

— Верно, — кивком согласился Юрий Владимирович и, хлопнув рабочую папку, выбрался из кресла. — Ладно, это все мелочи. Пойдемте послушаю, что вы намыслили, сверимся и подумаем, как дальше жить.

Устроились в креслах, налили чаю. Василь выгрузил с подноса плошку с темным медом, блюдечко с тонко нарезанным лимоном и ушел, аккуратно притворив дверь.

Андропов резко посерьезнел:

— Так. Борис Семенович, расскажите для зачина про молодого человека.

Иванов, чуть прищурившись, оценивающе осмотрел Минцева, словно в первый раз того увидел, и после небольшой паузы начал излагать:

— Толковый... Я его, Юрий Владимирович, девять лет назад заприметил. Мы, помните, тогда, в шестьдесят восьмом, угнали из Кампучии американский ударный вертолет. Там спецназ США в тридцати километрах от границы с Вьетнамом оборудовал в джунглях лагерь для разведывательно-диверсионных групп. Заодно разместили полтора десятка транспортных вертолетов и четыре — огневой поддержки. Вот как раз Георгий тот невероятно наглый план и предложил, посекундно расписал варианты... А Лазаренко лично исполнил. Наши вдвоем уничтожили летный состав и вертолеты, а последнюю «Кобру» со всей новейшей электроникой увели. Потом год преподавал на спецкурсах под Балашихой, и я его перекинул в оперативный штаб отдела «В». В семьдесят первом предложил крайне нестандартный и в итоге удачно реализованный план экстренной эвакуации вскрытой в результате предательства Лялина особой диверсионно-разведывательной группы армян-киприотов... Выдернули всех, ни ЦРУ, ни англичане до сих пор не могут понять как. В семьдесят пятом готовил ликвидацию Бразинскасов¹, но ЦРУ успело увести их из Турции. Мозамбик, Ангола... Последний год руководил планированием действий Управления диверсионной разведки на особый период. Ручаюсь.

— Солидное прошлое. — Андропов перевел внимательный взгляд на Жору. — Надеюсь, будущее станет таким же. Все в ваших руках, товарищ подполковник.

— Я понимаю, — невольно подтянулся Минцев. Он действительно понимал. — Поверьте, товарищ Андропов, я не предаю.

¹ Пранас Стасио Бразинскас, Альгирдас Бразинскас — отец и сын, литовцы. Совершили первый в истории успешный угон советского самолета.

Председатель кивнул, довольный, что подполковник услышал невысказанное.

— Если бы были сомнения, вы бы тут не сидели. Давайте показывайте нестандартность мышления.

Иванов меланхолично хрустнул зажатой в кулаке сушкой и подтянул поближе мед. Впрочем, невнимательность его была нарочитой, и по скулам время от времени прогуливались желваки. Жора чуть повел подбородком вбок — этот дурацкий жест, каким-то непостижимым образом перенятый от штабс-капитана Овечкина, появлялся у него при сильном волнении, и начал чуть придушенным голосом:

— Я предлагаю сначала обсудить сам феномен «Сенатора» и возникающие в связи с этим гипотезы, а потом перейти к ведущемуся оперативному расследованию, оценить значение добытой информации и утвердить направления дальнейшей работы.

— Принимается. — Андропов опустил на столешницу сцепленные ладони и слегка подался вперед. Взгляд его приобрел почти физическую остроту.

«Еще чуть-чуть, — нервно хохотнул про себя Жора, — и можно будет мух на лету накальвать».

Он вытянул из стакана карандаш и излишне решительно, ломая кончик грифеля, провел поперек листа две линии. Вместо того чтобы выстраивать первую фразу доклада, мозг тут же охотно зацепился за эту неуместную резкость и сыграл с хозяином злую шутку, занявшись оценкой метафоричности жеста: «Словно отчеркнул бытие мира до. Подвел итог, и с чистого листа...»

Вот уже три с половиной месяца, с того самого памятного утра, когда Иванов предостерегающе повел бровью и со словами: «Перед прочтением съесть» протянул папку с материалами по «Сенатору», Жору не оставляла мысль о разломе, делящем все на «до» и «после». В наполненную обыденными и привычными опасностями жизнь вторглось что-то совершенно неожиданное и запредельно неведомое, что-то, что прямо сейчас делает миру бросок с переворотом, ломая знакомые схемы. Уйдя с головой в работу, забывая про сон и еду, Минцев маялся от слепоты окружающих — никто вокруг и не подозревал,

что живет уже в новом, неожиданном будущем. Подполковник привык быть секретноносителем самого высокого уровня, но носить в себе эту тайну было... некомфортно.

Жора длинно втянул воздух и приступил к докладу:

— Товарищи, основное отличие «Сенатора» от любого иного источника — это сверхинформированность. Именно этот феномен, естественно, в первую очередь привлекает внимание. Чтобы проверить, реальная это сверхинформированность или мнимая, логично разделить все полученные нами от этого источника данные на три группы.

К первой отнесем секреты высокого уровня — то, что в принципе было известно хотя бы нескольким. Это подробности проводимых против нас шпионских операций, информация о действующих и бывших предателях, о террористах, стоящих за январским взрывом в Москве.

Ко второй группе относится то, что мог знать только один человек, непосредственный исполнитель. Это серийные убийцы, ленинградский насильник и фальшивомонетчик. С высокой степенью вероятности сюда же, а не к первой группе относятся и вступившие на путь подготовки к предательству Митрохин и Толкачев. По крайней мере, нам, несмотря на все усилия, не удалось найти доказательства того, что они успели вступить в связь с противником. — Говоря, Жора быстро заполнял лист значками, отмечая под ними размашистым корявым почерком проговариваемые пункты. — И третья группа — то, что, исходя из современных представлений, не мог предсказать вообще никто. Это прогноз цен на нефть, на золото и на зерно, катастрофическая засуха в Бурятии, авария в Нью-Йорке и пожар в посольстве США в Москве.

Слова доклада веско падали в тишину кабинета. Андропов слушал, время от времени как-то по-птичьи, с легким наклоном к плечу, поворачивая голову, и тогда в стеклах его очков бликовал стоящий позади Жоры светильник. Иванов же застыл неподвижной глыбой, лишь при упоминании предателей его ладони крепко сжали подлокотники.

— Теперь что у нас с достоверностью представленной информации... — Жора прошелся взглядом по кругу. — Если кратко, то все, что мы смогли проверить, подтвердилось. Ни

одного промаха даже в третьей группе. Системная авария на двадцать пять часов в Нью-Йорке, пожар в посольстве с разлетом бумаг в указанном направлении, засуха в Бурятии, золото действительно упало в цене к концу июля примерно на десять процентов. Чем больше мы проверяем, тем больше получаем подтверждений.

— Кстати, — вмешался Андропов, — причину этого отключения в Нью-Йорке выяснили?

— Да, — вступил в разговор Иванов. — Наши контакты сообщают о попадании в течение короткого промежутка времени трех молний сначала в подстанцию, потом в ЛЭП. Это стало причиной критической перегрузки в сети и вывода ее из строя.

— Если это и правда косвенный результат каких-то запланированных воздействий... Нам будет непросто, — озабоченно покачал головой Юрий Владимирович. — Хорошо, продолжайте.

— Подведу промежуточный итог, — кивнул Жора. — Ключевой вопрос в том, действительно ли мы имеем дело с осведомленностью, выходящей за рамки возможного. Есть всего два варианта ответа на этот вопрос: нет и да. Если нет, то наш контакт — это некая группа информированных людей, лишь имитирующих сверхзнание.

— Вы все-таки не исключаете, что нас играют? — Андропов резко подался вперед.

— Не исключаю и не должен исключать. ЦРУ, СИС... Да то же ГРУ. Но последние все же вряд ли... Смотрите, значительная часть предсказаний пришлась на территорию, контролируруемую главным противником. Отключение электричества в Нью-Йорке, пожар в посольстве, изменение цен на биржах. Все это теоретически могло быть подстроено специально. Остальное хоть и с натяжками, но может быть объяснено рационально. Предатели — сдали часть своей сети. Информация о преступниках — создали специально под эту операцию сеть осведомителей или в преступной среде, или в милиции. Или и там, и там. Климатическая аномалия в Бурятии — научились моделировать. Всё. — Жора решительно прихлопнул по листу

и подтолкнул его вперед, словно предлагая слушателям полюбоваться.

— Как минимум мы должны иметь в виду эту возможность, хотя, безусловно, многое в этом предположении натянуто, — отмер Иванов. — Но легкая паранойя в нашей работе еще никогда не вредила. Однако основной довод против игры с нами — избыточность предоставленной информации. Если цель писем — подставить нам вызывающий доверие источник, то можно было ограничиться меньшим объемом сведений. Намного меньшим.

— Да с тем же пожаром в посольстве, — не выдержав, влез Минцев. — Достаточно было просто назвать дату. По каким именно улицам все это бумажное богатство разлетится, можно было и не говорить, мы бы все равно собрали все до последнего листочка. А тут был совершенно ненужный риск неправильного прогноза. В конце концов знать, куда подует ветер в этом районе в момент разлета бумаг, да за три месяца до события...

Андропов еще раз с силой потер сцепленные ладони и глухо бросил:

— Я вас понял. Продолжайте.

— Если же мы отвечаем на вопрос «да» и признаём наличие сверхинформированности, то гипотезы далее идут несколько... э-э-э... нестандартные. Нам придется выйти за рамки обыденного. — Жора чуть мечтательно улыбнулся. — Кстати, как оказалось, здесь уже есть на удивление много наработок, на которые можно опереться.

— Да? — неподдельно удивился Андропов. — Институт «Прогресс»?

— Да нет, какой институт, — пренебрежительно отмахнулся Минцев. — Фантасты, и наши, и зарубежные. Я за это лето стопку фантастики с меня ростом перечитал, там очень много идей под нашу ситуацию наработано. С некоторыми советскими фантастами даже консультировался несколько раз. Втемную, разумеется, как журналист. — Он притянул лист и снова принялся выводить квадратики, теперь в правой половине листа. — Минус у всех нестандартных гипотез один — приходится делать одно большое, фантастическое на сегодня допущение. Зато, приняв это допущение, дальше можно объяснить

все. Фантастическое допущение — это плохо. Но, к примеру, в стратегической дезинформации надо делать сразу несколько крупных допущений. Как показывает опыт, это никогда не работает. Итак, я выделил четыре группы гипотез, по числу допущений. Назовем их «Инсайт», «Зеленые человечки»...

— Пришельцы, что ли? — насмешливо фыркнул Андропов.

— Инопланетяне, если точнее.

— Так и пишите. Знаете, откуда вообще эти маленькие зеленые человечки пошли? В смысле — именно маленькие и именно зеленые?

Минцев покачал головой.

— Анекдот натуральный! — тонко улыбнулся Андропов. — Хотя мы долго потом перепроверяли, большая операция была... Американцы после войны вывезли около ста трофейных ФАУ-2 и испытывали их на полигоне в штате Нью-Мексико в рамках разработки баллистических ракет большой дальности. Вместо боевой части использовались отстреливаемые на конечной фазе полета контейнеры с оборудованием. В некоторых экспериментах с суборбитальными запусками в контейнерах были макаки в специальных примитивных скафандрах. Один раз из-за сбоя такая ракета отклонилась от траектории и улетела в Мексику. Потом спустя несколько месяцев фермер нашел на своем поле обугленный объект, видимо, упавший с неба, и открыл его...

— Ага, помню отчет, — заржал, хлопнув себя по колену, Иванов. — Открыл, а там леденящая душу картина: из крохотной кабинки пустыми глазницами смотрит на него давно умершее, сморщенное, заплесневелое маленькое зеленое существо в особом космическом скафандре, опутанное торчащими в разные стороны проводами...

Со смехом ушло излишнее напряжение. Андропов сбросил пиджак и засучил рукава, Иванов перестал притворяться, что плюшка с медом на столе для всех, и по-хозяйски купал в ней солоноватые сушки. Минцев успел торопливо выхлестать стакан чая, успокоиться, и когда на нем опять скрестились взгляды, заговорил уже заметно увереннее:

— Продолжу. Итак, гипотезы, объясняющие сверхинформированность. «Инсайт», «Инопланетяне», «Машина времени» и «Этруски». — Квадратики на листе обрели подписи.

— Этруски? — озадаченно задрал бровь Андропов.

— Ну-у... — Жора застенчиво ковырнул пальцем стол. — Это условное название. Доберусь, объясню. Итак, «Инсайт». Как понятно из названия, речь идет о внелогическом озарении. Механизм, естественно, неизвестен. Плюс гипотезы — объясняет все.

— А минус, — вмешался Иванов, — в том, что с тем же успехом ее можно назвать божественным озарением.

— Да, именно, — охотно согласился Жора. — Легенды о прорицателях есть: Кассандра, Нострадамус, Калиостро... Но подтвержденных случаев нет, и даже в «Прогрессе» пока ничего не смогли накопать. Пожалуй, наиболее точные предсказания были у Эразма Дарвина, но там речь идет не о внелогических озарениях, а, наоборот, о прогнозировании будущего технического прогресса на основе именно логики.

— Не слышал, — покачал головой Андропов. — А что именно он предсказал?

— Он в семнадцатом веке говорил о предстоящем появлении небоскребов, звукозаписи, подводных лодок и боевой авиации. Некоторые высказывания созвучны с гипотезой Большого взрыва. Теория эволюции Чарльза Дарвина корнями уходит в утверждения его деда об эволюции живого под воздействием внешней среды и полового отбора.

— Интересно. Но да, похоже, не наш случай. Продолжайте, пожалуйста.

— Следующая версия — «Инопланетяне». С точки зрения современной науки, событие вероятное. В качестве мотива вмешательства может быть желание ускорить социальный прогресс на Земле — это объяснило бы, почему они пошли на контакт именно с нами как с передовой группой человечества. В то же время эта гипотеза лишь частично объясняет сверхзнание. Безусловно, цивилизация, намного превосходящая нас в техническом развитии, может собрать данные, входящие в первые две группы, и частично спрогнозировать кое-что из третьей группы...

— Но сюда не укладываются сведения о предполагаемых в будущем предателях, — бросил Иванов.

— Если только не считать возможным прогнозирование в этой области на основе построения психологического профиля, — живо возразил Андропов. — Ты ж знаешь, что мы тут семимильными шагами развиваемся. Да, к сожалению, и не только мы... Кто знает, к чему это приведет в итоге? Вполне может быть, что червоточины в человеке можно выявлять заранее.

— Остаются изменения на биржах. — Иванов честно отрабатывал роль скептика. — Да и, честно говоря, у меня в голове не укладывается деятельность инопланетян, приводящая в качестве побочного эффекта к пожару в посольстве США в Москве.

— Тот факт, что у нас что-то в голове не укладывается, еще не означает невозможности, — наставительно произнес Юрий Владимирович. — В конце концов мы обсуждаем явление, которое год назад нам бы показалось абсолютно нереальным.

— Да... — Иванов с силой потер подбородок. — Если оставляем эту версию, то надо не забыть, что мотивы могут быть далеки от социального прогресса человечества. Это, Жор, твой незамутненный оптимизм.

— Хорошо. — Жора покладисто подписал значок и продолжил: — Зато следующая гипотеза, «Машина времени», легко объясняет всю сверхинформированность. Смысл ее в том, что может быть создано устройство, позволяющее путешествовать по оси времени так же, как...

— Я читал Уэллса в детстве, — нетерпеливо и чуть раздраженно прервал Андропов. — Неоднократно.

Жора угукнул, мотнул головой и продолжил раскатывать полотно аргументации:

— Но подобное устройство приводит к так называемым временным парадоксам и противоречит существующей картине мира. Исходя из современных представлений, время действует по принципу ациклических казуальных сетей, и менять свое прошлое нельзя.

— Ациклические казуальные сети. — Андропов проговорил вслух, словно пробуя незнакомый термин на вкус, и на какое-то время задумался. — Так, понятно... А чужое?

— Что чужое? — не понял Иванов.

— Чужое прошлое можно менять?

Жора довольно воскликнул:

— В точку! Собственно, это приводит нас к четвертой гипотезе, «Параллельные миры», она же «Этруски». Кстати, как ни странно, но она, как и «Инопланетяне», не противоречит материалистическому пониманию мира и имеет определенный научный фундамент. Я, естественно, не специалист, поэтому прошелся только по верхам, побеседовав с нашими учеными. — Тут Жора преувеличенно громко вздохнул. — Лучше пять раз на операции сходить, чем один раз этих физиков понять... В общем, существование параллельных миров не противоречит наблюдаемой картине мира. Есть в квантовой физике кое-какие парадоксы, которые можно объяснить по-разному. Из некоторых вариантов объяснения вытекает существование так называемого «мультиверсума», в котором независимо друг от друга существует почти бесконечное множество вселенных. Это можно представить себе как очень-очень толстую книгу, в которой наша Вселенная является лишь одной из страниц. На этом листе — наш мир с нашей историей, рядом — тот мир, где по какой-то причине Орда не пришла на Русь, за ней тот, где Колумба утопила буря...

Иванов усмехнулся, останавливая входящего в раж Минцева:

— В общем, с оперативной точки зрения это уже не принципиально. Во всех случаях, кроме «Инсайта», мы имеем дело с гостями, только в одном случае они прилетели с другой планеты, во втором прибыли из будущего, а в третьем — из параллельного измерения. Кстати, давай про этрусков.

— Э-э-э... — В глазах у Жоры вдруг мелькнуло что-то одесское. — Есть одно обстоятельство, вряд ли носящее случайный характер. Помните — Квинт Лициний Спектатор, Расеннский университет? Я втемную отправил одного капитана исследовать эту подпись. Так вот, там получилось интересное пересечение... У историков уже есть теория, которая кое-какие странности этого дела может объяснить. В общем, «Квинт Лициний Спектатор» — это что-то вроде нашего «фамилия, имя, отчество» у древних римлян. Личное имя — Квинт, то есть

«пятый». Соответствует нашим старинным «Вторак», «Третьяк», «Четвертак». Родовое имя — Лициний, фамилия. Отчество у римлян не было, но некоторые получали прозвища, и Спектатор как раз таким и является. Переводится как «наблюдатель». Лициний Пятый, Наблюдатель.

— И что? — Андропов непонимающе нахмурился.

— Лицинии — древний род из плебеев. Пятнадцать консулов, два великих понтифика... Но не это интересно. Считается, что род Лициниев идет от этрусков. Жил такой народ все первое тысячелетие до нашей эры сразу к северу от Рима, на территории современной Тосканы. Примерно к сотому году до нашей эры окончательно ассимилированы победившими их римлянами. Брут, кстати, Пифагор и Меценат — из этрусков. Так вот, самоназвание этого народа было «расенны», именно с двумя «н». А, напомним, в подписи стоит «Расеннский университет». Естественно, на нашей Земле такого учебного заведения нет и не было — проверили. Вряд ли это случайное совпадение, Лициний и Расенна в одной фразе. Нас наводят на какую-то мысль.

Иванов хмыкнул:

— Излагай дальше, не жмись.

— Если взять гипотезу о параллельных мирах, где история пошла иначе, и о пришельцах оттуда, то можно предположить, что где-то есть «мир победивших этрусков», в котором они не были ассимилированы римлянами и где существует этот самый Расеннский университет. И это может дать интересный мотив...

— Да? — Андропов пристально посмотрел Жоре в глаза.

— Есть группа ученых, утверждающих, что этот народ был предком русских. Что-то вроде «этруски — это русские». Город Перуджа, их столица, раньше назывался Перуссия, что близко к Поруссия... Ну и ряд других коррелятов. Вот, к примеру, как латыши русских называют? Криеви. Потому что контактировали с кривичами, это понятно. А финны русских? Сейчас — вене, а раньше, несколько сот лет тому назад, — венет. Это потом «т» отпало. А кто жил по соседству с этрусками? Венеты, оттуда Венеция пошла. Соседи этрусков и соседи финнов носят одно и то же название — венеты! Да таких совпадений в ис-

тории больше вообще неизвестно! А еще греки называли этрусков тирсенами, а Днестр у них именовался Тирасом, тоже похоже... Кстати, у римлян была даже пословица: «Этрусское не читается», не понимали они, что там написано. А вот если читать сохранившиеся этрусские надписи по-русски, то удастся получить осмысленные фразы!

— Тогда выходит, — веско подвел черту Иванов, — что мы вроде как их родичи в ином потоке времени. И возможен новый мотив — помощь не столько социализму, сколько славянам, русским, своим.

— А вот для вмешательства в историю параллельного мира препятствий нет. Они могут теоретически сначала изучить наше будущее, а потом вернуться в прошлое и начать его менять! — Жора подался вперед и широко развел руками.

— Черт! — Андропов с силой хлопнул обеими ладонями по столу и глубоко задумался, затем возбужденно заелозил. — А под этим углом все играет совсем неожиданными красками, товарищи. Совсем неожиданными, да.

Иванов и Минцев быстро переглянулись и скромно потупились.

— Меня эта приписка про Квинта Лициния все время ставила в тупик, — доверительно признался Андропов. — А теперь вон оно как интересно складывается. Так... а это что за кружок, Георгий? — Юрий Владимирович указал в нижний правый угол нарисованной схемы.

— А это еще одна концепция. Есть идея, что все математически непротиворечивые структуры существуют физически. Иначе говоря, в математических структурах, достаточно сложных, чтобы содержать способные к самоосознанию подструктуры, эти последние будут воспринимать себя живущими в реальном физическом мире...

— Стоп. — Андропов шлепнул ладонью по столу, остановив Минцева. — Тут я уже совсем перестаю понимать. А ты, Борь?

— Хм... Жора, а что нам это дает? В оперативном смысле? Давай ближе к телу. Гипотезы все? Переходи к анализу достоверности выдвинутых гипотез.

— Есть переходить к анализам, товарищ генерал!

— Убью.

— Ага, — оживился Андропов, — понял, Боря, каково это? Вот и я порой...

— Ты давай, Жора, излагай, — обманчиво мягко попросил Иванов, постукивая кулаком по ладони.

Минцев победно улыбнулся:

— Есть хорошая новость, с нее и начну. Козырной туз, который позволяет нам сузить число гипотез. Всю последнюю неделю лично перепроверял. Помните, в первом письме в числе потенциальных предателей был упомянут Сергей Воронцов, из управления КГБ по Москве.

— Да, есть такой, — согласился Андропов. — Точнее, был... И что?

— А то, что в Комитете был только один Сергей Воронцов, и в августе он действительно был уже в УКГБ по Москве. Однако в марте, на момент получения нами письма, он проходил службу еще в УКГБ Белоруссии. Предсказать же тогда этот перевод было совершенно невозможно, поскольку его двинули по цепочке, возникшей в результате скоропостижной смерти полковника Рудковского, и был Воронцов в этой цепочке аж пятым! Предугадать же кадровые решения для пятого в цепочке... — Жора пожал плечами. — Это посложнее, чем за три месяца предсказать направление ветра в районе посольства США.

— Вы с кадровиками беседовали?

— Так точно, очень плотно, по всем пяти перестановкам. — Жора затряс головой. — Нет, я абсолютно убежден в том, что это просчитать заранее было невозможно. Никак. К тому же решения принимались децентрализованно, часть в Москве, часть в Минске. И там такая череда случайностей при выборе из нескольких кандидатур... Да еще их должны были утвердить наверху. — Минцев указал глазами на потолок. — Никак не предсказать точно. Да вы лучше меня знаете, как наши кадры при рутинных перестановках работают.

Андропов притянул к себе исчерпанный листок и некоторое время внимательно изучал.

— Значит, время... — протянул он, потирая ладони. — Я почему-то так и думал... Но с точки зрения науки, это самые

невероятные варианты, инопланетяне хоть в современную науку укладываются. А тут... Машина времени, этруски из параллельного пространства...

— Я уже даже свыкся с тем, что пришельцев ищем, — философски откликнулся Иванов. — Меня сейчас другое тревожит — их возможности. Если это продуманная стратегия, реализуемая группой профессионалов, имеющих колоссальный технологический отрыв от нас, то шансов у нас, почитай, и нет. Мы можем только попросить их выйти на связь. Вычислить нереально. Да они могут прямо сейчас нас слушать! Другое дело, что по мелочам все указывает на то, что работает одиночка без специальной оперативной подготовки. Робинзон. Вариант «Обитаемого острова».

Андропов вопросительно повел бровью.

— Роман фантастический, — пояснил Иванов. — Одинокий представитель высокоразвитой цивилизации, случайно попав на планету, внедряется и, работая под прикрытием, пытается ускорить социальный прогресс местного общества. Нелегал, только с иной, чем у нас обычно, целью.

— Подкинешь почитать?

— Подкину, отчего ж не подкинуть... У меня здесь лежит, закончим — принесу. Ладно, я тоже убежден, что для такой информации нужно было послезнание, а оно есть только в рамках гипотез «Машины времени», «Параллельного пространства» и «Инсайта». Разница между ними на самом деле лишь в том, что в первых двух случаях ловим чужака, а в последнем — здешнего. Вот это, с оперативной точки зрения, существенно. Чужаки могут технологически опережать нас на тысячелетия, но они нездешние, должны выделяться. Провидец же, наоборот, технологически, да и в плане опыта, нам проигрывает, но сливается с миллионами сограждан.

— Согласен, — кивнул Андропов. — Давайте под этим углом зрения оценим результаты экспертиз.

Жора с готовностью открыл пухлую папку:

— Присланные материалы прошли комплексную криминалистическую экспертизу, которая дала некоторые оперативно-значимые результаты. Во-первых, мы имеем четкое указание на Ленинград, на районы в его центральной части. Поми-

мо собственно печатей отделений связи, на это указывают микромаркировки конвертов и листов из тетрадей. Эти партии поступили в продажу весной во Фрунзенский и Дзержинский районы города. Кроме того, в четвертом письме при микроскопическом исследовании обнаружена пыльца ольхи, а в пятом — березы. Цветение этих деревьев в Ленинграде в этом сезоне приходилось на числа отправки писем, что подкрепляет ленинградскую версию.

— Это важно еще с одной точки зрения, — вмешался Иванов. — Привязка «Сенатора» к одному месту усиливает версию об одиночке. Группа, обладающая значительными технологическими возможностями и действующая по плану, безусловно, имела бы возможность вбрасывать письма в разных регионах страны.

— Если только нас не водят за нос, отвлекая внимание на Ленинград, — заметил Андропов.

— Да, мы учитываем и такую возможность, — кивнул Иванов. — Получается, или одиночка в Ленинграде, или водящая нас за нос группа. Но основные усилия сейчас направлены именно на разработку ленинградского направления.

— Под этим фонарем ярче светит?

— В том числе, — согласился Иванов. — В том числе... Но, естественно, альтернативные варианты изучаем.

— Еще что интересного?

— Из материального... — Жора быстро пролистал папку и остановился на нужном заключении. — Также при микроскопическом исследовании обнаружены частички кожи, идентифицированные как перхоть человека. Так что или инопланетяне тоже страдают от этой болезни, или это обычный человек.

— А вот это хорошо. — Андропов просветлел лицом. — Как-то приятнее работать с людьми. Привычнее, и психология понятна. Это действительно хорошая новость. Похоже, от инопланетян мы, товарищи, избавились. Замечательно!

— Отпечатков пальцев нигде не обнаружено, отправитель работал в перчатках, причем нам удалось их идентифицировать по отпечаткам ворса. Плотный гладкий трикотаж, белый цвет... Исходя из направления петель и неравномерности толщины ниток, с высокой степенью вероятности это — «перчат-

ки хлопчатобумажные белые парадные», что шьются для нужд нашей армии на швейной фабрике номер два в городе Иваново. Входят в состав вещевого довольствия офицеров.

Андропов обрадованно отстучал пальцами по столешнице какую-то бравурную дробь.

— Та-а-ак... — хищно протянул он. — Это сужает поле поиска, верно? С учетом «Красной звезды»?

— Неоднозначно, — покрутил головой Жора. — С одной стороны, да, можно предположить наличие связи между отправителем и армией. С другой стороны, эти перчатки свободно продаются в магазинах военторга, купить их может любой желающий. Но с учетом газеты «Красная звезда» — да, вероятность такой связи примем во внимание.

— Но все равно, это еще один довод в пользу одиночки, а не заранее подготовленной группы, — заметил Иванов. — К тому же непрофессионал. Об отпечатках пальцев подумал, о перхоти и об отпечатках микроворса — нет.

— Еще? — Андропов навис над столом, глаза его горели азартом.

— Из материального — все. Проведена комплексная экспертиза письменной речи, топографических и общих признаков почерка. Здесь есть как полезная информация, так и странности. На основании анализа лексических и стилистических навыков эксперты независимо друг от друга однозначно определяют автора как мужчину в возрасте от тридцати пяти до пятидесяти лет, с высшим образованием, вероятно, с навыками научной или руководящей работы, с опытом составления письменных докладов и устных выступлений перед аудиторией. Мм... Это отчасти противоречит первоначальному выводу о том, что почерк женский. Сейчас эксперты склоняются к мнению о наработанности почерка. Так что скорее мужчина, чем женщина, хотя может работать и связка из двух человек. Также сделан однозначный вывод о том, что русский язык является для автора письма родным.

— О! — Юрий Владимирович пораженно откинулся на спинку. — Стоп-стоп-стоп! А как же этруски?! Это ж кол в могилу этой гипотезе?

Иванов с Минцевым еще раз переглянулись.